

«Это юность моего поколения»,

— говорит народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР И. В. МАКАРОВА.

«Дорогая доченька... Спасибо тебе большое!» Телеграмма из ласковых, теплых слов прилетела из Краснодона от Ефросиньи Мироновны Шевцовой. Когда «Молодая гвардия» вышла на экран, звучало много восторженных откликов. Но особенно запомнилось Инне Владимировне Макаровой это материнское: дорогая доченька...

— Первые шла я к Ефросинье Мироновне — волновалась ужасно. И боялась. Боялась лишнего неловкого слова, боли горьких воспоминаний. Ведь она — мать моей героини, мама расстрелянной Любы. Боялась ее слез. А вышло все наоборот. Ефросинья Мироновна стала рассказывать о своей Любочке и вдруг назвала меня дочкой. И я... разревелась. Сидела и рыдала. А Ефросинья Мироновна меня успокаивала.

Говорят, ничто не сближает так, как общее горе. А горе у всего народа было единое — война. У матери она вырвала дочь, у юности выкראה беззаботный смех. Фильм «Молодая гвардия» снимался, когда еще были свежи могилы павших, когда еще по-старушечьи кутались вдовы в скорбные черные платки.

— Как впервые узнали Вы о романе Фадеева?

— Однажды пришел Сергей Аполлинариевич Герасимов в мастерскую ВГИКа и начал увлеченно рассказывать о новой книге Фадеева. Я тут же побежала в «Ленинку». Ушла из библиотеки после последнего звонка. Помню, как шла по улице, не замечая прохожих, еще и еще раз переживая всю трагедию краснодонцев.

— Расскажите, пожалуйста, о работе над образом Любы. Какая она, Ваша героиня?

— Люба Шевцова — человек удивительно интересный. Казалось бы, что общего между Любкой-артисткой и Шевцовой, произносящей знаменитый монолог в тюрьме о несломленном духе советского народа? Но общее есть. Это чувство ответственности, которое было присуще всем героям-краснодонцам. «Почему я, а не другой?» — такой вопрос перед ними не возникал.

Образ Любы для меня очень дорог. Это моя первая роль в кино. А получила я ее неожиданно. По замыслу Сергея Аполлинариевича я должна была играть совсем другую роль.

Тогда мы все еще учились во ВГИКе. Сцена «В тюрьме» должна была показываться на экзамене. На просмотр приехал Фадеев. Экзамен прошел удачно. А после просмотра

подходит ко мне мой товарищ и тихим, заговорщическим голосом сообщает: «Любку ты будешь играть. Фадеев сказал».

Роль свою я не играла — жила ею. Когда приехала в Краснодон, все прислушивалась к напевной речи местных жителей, приглаждалась к белянским украинским мазанкам, к своей хозяйке Лусе, которая удивительно ловко взбивала масло и на редкость вкусно варила пшенку.

Знаете, тогда для нас было не столь важно, какую роль играешь, ведущую или эпизодическую. Главное — само участие в картине.

— А как встречали фильм первые зрители?

— После премьеры за кулисами собралось много молодежи. Все поздравляли, благодарили. А ко мне подошел какой-то паренек, вихрастый, глаза блестят, и все допытывался: «Скажи, ну почему ты не ушла из Краснодона?! Почему же не ушла!..» А иногда слышала от людей, переживших войну: «Нет, я не могу это смотреть...» Наверное, для них это тоже была не игра, а сама жизнь.

Для меня роль Любы Шевцовой — это моя юность, юность моего поколения. И что-то очень родное осталось там, в непокоренных горняцких поселках.

Беседу вела
И. САВВАТЕЕВА.

Кассе. Москва, 1982 год.